

**ПРИНЯТО
В АДУ**



БАЛАНС
АЛЕКСАНДР КОСОВСКИЙ

**КУПИ МЕНЯ, ХРЕН
ПОНЯТНО ПОЧЕМУ
ОН ПРИШЕЛ СВЕСТИ СЧЕТА**

Косовский Александр

Баланс

<https://litres.ru/74308704>

SelfPub; 2026

Аннотация

Офисный планктон Антон просыпается в мире, где светит кровавая луна, стены дышат, а валютой служат зубы. Его новый начальник — Вербовщик, а кредитный договор подписывается кровью. Чтобы выжить и вернуть долг, Антону придется устроиться на работу в Гильдию Мясников... на конвейер по разделке разумных существ. Но бухгалтер — это не просто профессия. Это призвание. И если баланс этого мира не сходится, Антон проведет самый дерзкий аудит в истории ада. Мрачно. Смешно. И очень цинично.

Содержание

Глава 1. Пробуждение не в той луже	4
Глава 2. Контракт на биомассу	17
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Косовский Александр

Баланс

Глава 1. Пробуждение не в той луже

Ксерокс всхлипнул.

Антон как раз думал о том, что отчет по форме Б-26 — это изобретение садиста, страдающего хроническим запором, когда офисный агрегат издал звук, совершенно не предусмотренный технической документацией. Не треск зажатой бумаги. Не жужжание перегретого блока питания. А влажный, утробный всхлип, какой издает прохудившийся бурдюк, если на него наступить.

Воздух в кабинете сгустился, запах разогретого тонера сменился запахом мясного отдела на рынке в июльскую жару. Антон поднял глаза от монитора. Крышка ксерокса приподнялась сама собой. Стекло экспонирования под ней запотело изнутри, покрылось сетью розоватых прожилок, а затем — провернулось, как диафрагма объектива, только состоящая из колец влажной, блестящей плоти.

— Какого... — начал Антон, но закончить не успел.

Кольца плоти сжались, ксерокс икнул, и пространство пе-

ред аппаратом лопнуло, как гнойник. В животе у Антона что-то оборвалось и ухнуло в пятки. Не страх. Скорее, ощущение, знакомое каждому, кто хоть раз падал в лифте с откатавшими тормозами: внутренности решили остаться на тринадцатом этаже, тогда как тело стремилось в подвал.

Воронка из света и слизи выплюнула его, как неперева-ренный кусок. Полет был коротким и омерзительным — его протащило сквозь кишку пространства, тугую, пульсирующую, облепленную чем-то, что пахло больничным спиртом и мокрой собачьей шерстью. А затем он рухнул лицом вниз.

Земля оказалась мягкой и теплой.

Она чавкнула, когда он в нее впечатался. Ладони ушли во что-то рыхлое, по консистенции — как перепревшие листья, смешанные с холодным фаршем. В нос ударил запах — гнилостный, как от забытого в холодильнике букета, с металлическим подтоном свернувшейся крови. Рот наполнился слюной — рвотный рефлекс сработал раньше, чем мозг успел опознать вонь как угрозу. Антон закашлялся, сплевывая темную жижу, и перевернулся на спину.

Свет был.

Но это был неправильный свет. Над головой нависало не черное небо, а нечто среднее между сводом гигантской пещеры и внутренней стороной легкого. Потолок мира слабо мерцал, подсвеченный голубовато-зеленой биолюминесценцией, как циферблат старых советских часов. Прямо по этому своду расползались толстые, с руку, вены, по которым с

ленивым гулом перекатывались ступки алого.

Луна висела в зените. Огромная, раздутая, цвета запекшейся крови, она застыла в фазе затмения, и черный диск в ее центре напоминал дыру, прожженную в гнилой простыне.

Антон сел, упершись рукой во что-то твердое. Повернул голову. Его ладонь лежала на ребристой, полуразложившейся грудной клетке, из которой торчали обрывки хрящей. Кость была влажной и холодила кожу даже сквозь слой прилипшей грязи.

Он отдернул руку. Вытер ее о штанину — жест, который за последующие дни он повторит столько раз, что протрет ткань до дыр. Огляделся.

Он сидел в грудe биомусора. Насыпь из костей, обрывков плоти, хитиновых панцирей и какой-то волокнистой дряни уходила вниз, в черную воду, подернутую радужной маслянистой пленкой. Вода лениво пульсировала, будто дышала. От нее поднимался пар, и в этом паре плясали крошечные точки света — споры или мошкара, Антон пока не понял.

— Б-26, — сказал он вслух. Голос прозвучал глухо, без эха, словно пространство впитывало звуки. — Я же его так и не доделал.

Это была его первая мысль. Не «где я?», не «что случилось?». А отчет по форме Б-26. Потому что осознание масштаба катастрофы всегда приходит через бытовую мелочь. Если он не сдаст отчет к пятнице, Михал Палыч будет орать. А Антон ненавидел, когда Михал Палыч орал, — у того в

уголках рта скапливалась белая слюна, и это было омерзительно. Даже сейчас, сидя по пояс в разлагающихся останках непонятно чего, Антон испытал укол раздражения при мысли об этой слюне.

Он встал. Ноги держали плохо — колени подрагивали, а в бедрах поселилась противная ватная слабость. Брюки пропитались слюзью насквозь. Рубашка, еще утром белая, теперь была покрыта пятнами, которые ни один «Ваниш» не возьмет. Галстук исчез. Антон машинально ощупал шею — галстука не было, верхняя пуговица рубашки оторвана с мясом, а на ключице краснела свежая ссадина.

— Портфель, — сказал он. — Где мой портфель?

Портфеля не было. В портфеле лежали бутерброд с колбасой, просроченный пропуск в спортзал (шесть месяцев не ходил, но хранил как индульгенцию) и пачка «Кента». Курить хотелось уже сейчас.

Он заставил себя дышать через рот. Запах стал слабее, но теперь к нему примешивался вкус — медный, кислый, как от лизнутой батарейки. Антон вытер губы тыльной стороной ладони и зашагал вверх по склону из мусора, стараясь не думать о том, что хлюпает под подошвами его офисных туфель. Туфли были дорогие, итальянские, купленные на распродаже за полцены. Он их в кредит брал. Три месяца еще платить.

Склон кончился. Антон выбрался на относительно ровную площадку, покрытую чем-то вроде мха — только мох этот был серо-зеленым, жирным на вид и подрагивал, когда

на него наступали, будто пытался уползти. Впереди чернели руины. Бетонные коробки с выбитыми окнами, оплетенные толстыми, как пожарные шланги, лианами. Лианы пульсировали. По ним пробегали волны перистальтики, как по пищеводе, глотающему добычу.

Где-то далеко, на самой границе слышимости, кто-то выл. Не выл, а именно пел — длинной, модулирующей нотой, которая то взлетала до визга, то падала в инфразвук, от которого зудели пломбы. Антон потрогал челюсть. Пломбы действительно зудели.

— Так, — сказал он, останавливаясь. — Давай по порядку.

Он был бухгалтером. Хорошим бухгалтером. Он умел систематизировать хаос — сводить дебет с кредитом, находить ошибки в первичке, превращать бардак из чеков и накладных в стройные колонки цифр. Сейчас перед ним был бардак иного масштаба, но принцип-то тот же.

Исходные данные: он больше не в офисе. Он в месте, где вместо солнца — кровавая луна, вместо асфальта — гниющий мох, а вместо кофемашины — грудные клетки в ассортименте. Как он сюда попал? Ксерокс. Ксерокс его съел. Это звучало как бред, но бред был единственной рабочей гипотезой.

Следующий вопрос: как отсюда выбраться? Антон оглядел руины, темную воду, пульсирующие лианы. Информации ноль. Нужен источник данных. Нужен местный житель.

Или хотя бы указатель.

Он снова пошел вперед. Туфли скользили на мху, при каждом шаге раздавался тихий писк — мох реагировал на давление, сжимаясь и разжимаясь, как губка. Антон старался не смотреть под ноги. Он смотрел по сторонам, пытаясь зафиксировать любую деталь, которая могла бы сойти за признак цивилизации.

Цивилизация нашлась.

Из-за бетонной глыбы, поросшей фосфоресцирующими грибами (шляпки у них были прозрачные, а внутри копошились мелкие белые черви), выступила фигура.

Сначала Антон подумал — человек. Потом — очень большой человек. Потом — нет, не человек.

Существо было гуманоидным лишь отчасти. Две ноги, две руки, голова — все на месте, но пропорции нарушены, будто неопытный скульптор лепил человека по словесному описанию и сильно ошибся. Руки — длиннее, чем нужно, с лишним суставом в предплечьях. Ноги — вывернутые в коленях назад, как у кузнечика. Голова сидела на шее, напоминаяшей гофрированный шланг, и могла поворачиваться почти на триста шестьдесят градусов. Лицо — если это можно было назвать лицом — представляло собой костяную маску с тремя вертикальными прорезями. В прорезях что-то двигалось. Что-то влажное и блестящее.

Одета тварь была в балахон из грубой, плохо выделанной кожи, сшитой сухожилиями. На поясе висел набор ин-

струментов: крючья, колбы, моток проволоки, напоминавшей кишки, и прибор, похожий на помесь степлера с пистолетом.

— Стоять, — сказала тварь. Голос у нее был свистящий, с присвистом на шипящих, будто воздух выходил через дыру в трахее.

Антон встал. Не потому что испугался. А потому что существо преградило ему путь к пожарной лестнице — вернее, к тому, что от нее осталось. Ржавая металлическая конструкция вросла в стену ближайшего здания, и Антон еще минуту назад решил, что забраться повыше и осмотреться — отличная идея. А теперь эта ходячая ошибка эволюции стояла между ним и лестницей.

— Ты новичок, — констатировало существо. Оно не спрашивало. Оно утверждало. Его костяная маска не двигалась, но в прорезях что-то шевельнулось — Антону показалось, что это жвала. Мелкие, суетливые, как у жука-могильщика. — Свежий. Из Верхнего мира. Редкий товар.

— Антон, — представился Антон автоматически. — Бухгалтер.

— Мне насрать, — сказала существо. — Меня зовут Шептун. Я Вербовщик. И я предлагаю тебе контракт.

Шептун извлек из складок балахона планшет. Настоящий планшет, только его корпус был сделан из хитина, экран покрывала мутная органическая пленка, а по углам росли какие-то наросты, похожие на грибы-трутовики. Пленка замер-

цала, показывая текст. Буквы были русские, но шрифт плыл, а строки подергивались, как кардиограмма.

— Контракт на первичную адаптацию, — прошипел Шептун. — Стандартный. Подписывай.

— Я даже в «Эльдорадо» договоры без очков не читаю, — сказал Антон. — Дайте посмотреть.

Шептун замер. Жвала в прорезях маски замерли тоже. Кажется, такой реакции он не ожидал. Новички обычно либо орали, либо пытались бежать, либо впадали в кататонию. А этот — читать собрался.

Антон взял планшет. Органический экран был теплым и влажным на ощупь, как язык большой собаки. Он пробежался глазами по строкам.

— Так, — сказал он. — «Пункт 1.1: Вербовщик обязуется предоставить Новичку базовый комплект выживания, включающий: нож (1 шт.), светильник на гнилушечной тяге (1 шт.), карту Гнилого Квартала (фрагмент, не гарантируется точность)...» Не гарантируется точность? А какой смысл в карте, если она врет?

— Карта показывает общую топологию, — прошипел Шептун. — Улицы меняются. Плоть города растет.

— «Пункт 1.2: Вербовщик обязуется обеспечить Новичку доступ на Рынок Спящих (пропуск временный, 72 часа)...» Всего три дня? А продление?

— Продление — за дополнительную Биомассу. Читай дальше.

Антон читал. Чем дальше он углублялся в текст, тем сильнее хмурился.

— «Пункт 2.1: Новичок обязуется выплатить Вербовщику сумму в размере 500 (пятисот) единиц Биомассы в течение 30 (тридцати) циклов. В случае просрочки начисляется пеня в размере 10% за каждый цикл...» Десять процентов? Это же грабёж! Триста процентов годовых! У нас в Сбербанке за такие проценты коллекторов натравливают!

— Здесь нет Сбербанки, — заметил Шептун. — Здесь есть я.

— «Пункт 2.3: В случае невозможности выплаты долга Новичок переходит в собственность Вербовщика в качестве биологического актива». Это что, рабство?

— Это бизнес.

Антон потер переносицу. Голова начинала болеть — не от страха, а от знакомого чувства бессилия перед идиотскими условиями договора. Такое же чувство он испытывал, когда читал кредитный договор на ипотеку. То же самое: грабительские проценты, кабальные условия, единственный выход — продать почку.

— Что такое Биомасса? — спросил он. — Единица измерения.

Шептун запустил руку (или то, что заменяло ему руку) в поясную сумку. Извлек прозрачную колбу, в которой плавал зуб. Обычный человеческий зуб, коренной, с остатками запломбированного канала.

— Один зуб — одна единица, — сказал он. — Нерв — пять единиц. Палец — двадцать. Литр крови — пятьдесят. Полная переработка взрослой особи — тысяча. Цены рыночные, колеблются в зависимости от сезона и спроса.

— А анализ крови можно сдать? Ну, как в поликлинике? Из пальца. Я не хочу сразу палец.

Шептун снова замер. Такой реакции он, кажется, не ожидал тем более.

— Ты торгуешься? — спросил он наконец.

— А что, нельзя?

— Можно. Просто... — Шептун склонил голову набок, разглядывая Антона. Шея-шланг издала звук спускаемого воздуха. — Обычно новички кричат. Или пытаются меня ударить. Или мочатся в штаны. Ты — торгуешься.

— Я бухгалтер, — повторил Антон, как будто это все объясняло. — Так что насчет анализа крови? У меня глюкоза, может, повышенная. Или холестерин. Вдруг моя Биомасса — бракованная? Я же не могу продавать некачественный товар. Меня же потом оштрафуют.

Жвала за маской зашевелились быстрее. Антон понял, что Шептун смеется. Беззвучно, одними жвалами.

— Ты забавный, — сказал Вербовщик. — Такие долго не живут. Но платят исправно, пока живы.

— Это угроза?

— Это статистика. — Шептун ткнул пальцем (палец был длинным, с лишней фалангой и когтем, покрытым лаком из

засохшей крови) в экран планшета. — Подписывай. Или я ухожу, а ты остаешься здесь. Без ножа. Без карты. Без света. Светлячки вылупляются через три цикла. Ты им понравишься.

Антон вздохнул. Выхода не было. Как всегда, выхода не было — выбирай из двух зол меньшее, и молись, чтобы кол-лекторы не ободрали тебя раньше времени.

— Ручка есть? — спросил он.

— Подпись кровью. — Шептун указал на угол планшета, где из хитиновой рамки выдвинулось острое, похожее на иглу шприца. — Палец давай. Указательный. Правый.

— Лучше левый. Я правша.

Он прижал подушечку левого указательного пальца к игле. Укол был резким, болезненным, но терпимым — как в процедурном кабинете, когда медсестра попадает не в вену, а в сухожилие. Кровь выступила темной каплей, и планшет втянул ее в себя с тихим, довольным чавканьем. Экран мигнул, выдавая сообщение:

«КОНТРАКТ АКТИВИРОВАН. ДОЛГ: 500 ЕД. БИО-МАССЫ. СРОК: 30 ЦИКЛОВ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ВЕЧНУЮ НОЧЬ, АНТОН-БУХГАЛТЕР».

— Там опечатка, — сказал Антон. — Я Антон, а не Антон-бухгалтер. Это должность.

— Это твое имя теперь, — прошипел Шептун. — Имя и функция. Привыкай.

Он вложил в руку Антона холщовый мешок — базовый

комплект. Нож с костяной ручкой (лезвие ржавое, но острое — Антон проверил пальцем и тут же об этом пожалел), стеклянную банку с комком гнилушек, испускавших слабый зеленоватый свет, и свернутый в трубку лист. Не бумагу — выделанную кожу, на которой пульсировали синие линии топологии. Карта.

— Первый взнос — через три цикла, — сказал Шептун, пятясь во тьму. Его фигура таяла, сливаясь с тенями, и только костяная маска еще белела некоторое время, пока не погасла совсем. — Не опаздывай, Антон-Бухгалтер. Я не люблю должников. У меня аллергия.

— На что? — спросил Антон в пустоту.

— На должников, — донеслось из темноты, и вслед за этим раздался звук, похожий на кашель чахоточного, — видимо, так Шептун смеялся.

Антон остался один. В руке — нож, в банке — гнилушки, в голове — долг в пятьсот единиц. И ни одной сигареты.

Он сел на обломок бетона, положил мешок на колени и задумался. Не о судьбе. Не о том, как он сюда попал. А о том, что проценты по кредиту на туфли были двенадцать процентов годовых. А здесь — триста.

Вот уж действительно — из огня да в полымя.

Вдалеке снова завывли. Ближе. Антон поднял голову и посмотрел на руины торгового центра, смутно знакомые по очертаниям — кажется, это был тот самый ТЦ, куда он ездил за туфлями. Только теперь из его оконросло что-то мя-

систое, шевелящееся, подсвеченное изнутри алым.

Часы на руке — простые, «Касио», купленные за три тысячи в «Ашане», — еще работали. Циферблат показывал 14:37. Среда. Через два часа совещание у Михал Палыча. Антон машинально нажал кнопку будильника. Будильник не сработал.

— Ну да, — пробормотал он. — Роуминг.

И зашагал к торговому центру. Потому что где еще искать работу, если не в ТЦ? Логика старого мира: если тебе нужно выжить, найди точку опоры. Точкой опоры может быть что угодно — даже заброшенный «Спортмастер» с грибами вместо манекенов.

Где-то в недрах бетонной коробки зашуршало. Свет гнилушек в банке дрогнул, пошел рябью, и Антон впервые за этот день испытал не раздражение, а что-то иное. Смутное, липкое, как холодный пот между лопаток. Он подавил это чувство, затолкал его поглубже — туда же, куда заталкивал мысли о невыплаченном кредите и прыщах на лбу у Михал Палыча.

— Работа, — сказал он вслух, сжимая нож. — Мне просто нужна работа. И курево.

И шагнул внутрь.

Глава 2. Контракт на биомассу

Шептун ждал его у входа в ТЦ. Снаружи, привалившись спиной к стене, покрытой пульсирующими лианами. Его кожаная маска была повернута к Антону, и в прорезях что-то ритмично сокращалось — то ли дыхание, то ли жевательный рефлекс.

— Быстро ты, — прошипел Вербовщик. — Обычно новички часа два сидят, в себя приходят. Некоторые плачут.

— Я на работе за день столько слез вижу, что свои закончились еще в прошлом квартале, — ответил Антон. — Давайте ваш контракт. Я хочу перечитать.

— Уже читал.

— Я хочу перечитать медленно. С карандашом. У вас есть карандаш?

Карандаша у Шептуна не было. Был уголек, завернутый в кусок кишки, — он им делал пометки в своем планшете. Антон взял уголек, брезгливо (два пальца, на отлете), и склонился над органическим экраном.

Он пробежался по пунктам, останавливаясь на знакомых цифрах, и с каждой секундой в его груди нарастало глухое, ровное раздражение. Как будто он перечитывал договор на ипотеку и находил все новые грабительские пункты, которые пропустил вчера от усталости.

— Пункт 2.3, — сказал он, ткнув угольком в строчку. —

«В случае невозможности выплаты долга Новичок переходит в собственность Вербовщика в качестве биологического актива». Это рабство.

— Это бизнес.

— А пункт 1.2 про «доступ на Рынок Спящих на 72 часа»? Там не сказано, что за продление нужно платить. Своими органами.

— Это базовая информация. Я не обязан предупреждать о каждом шаге, — прошипел Шептун. — Читай дальше или убирайся. Время — Биомасса.

Антон поднял на него глаза. Впервые за этот адский день он чувствовал не страх, а злость. Чистую, холодную, отчетливую злость обманутого клиента.

— Я хочу внести правки, — сказал он.

Шептун замер. Жвала за маской остановились.

— Что?

— Правки. В контракт. Вы говорили — это стандартный договор. Но я уже его подписал.

Жвала дернулись. Шептун издал звук, похожий на шипение проколотой шины.

— Ты. Уже. Подписал, — проговорил он, разделяя каждое слово, как удары ножа. — Кровь. Не. Аннулируется.

— Значит, я подписал его, не дочитав, — спокойно ответил Антон. — А вы не предупредили о скрытых условиях. Это называется «введение в заблуждение». В моем мире за это наказывают, а контракты признают недействительными.

— Здесь нет твоего мира. Здесь есть я. И мой процент,
— Шептун шагнул ближе. Гофрированная шея вытянулась,
и его маска нависла над Антоном. — Контракт действует.
Ты — должник. Пятьсот единиц. Тридцать циклов. Это не
обсуждается.

Антон не отступил. Он смотрел в прорези маски, туда, где
за костяной пластиной шевелились жвала, и чувствовал, как
внутри него закипает азарт. Профессиональный азарт ауди-
тора, который нашел расхождение в отчетности.

— Тогда я хочу официальное разъяснение, — сказал он,
вставая с обломка бетона. — Письменное. Вы говорите, что
подпись уже стоит. Хорошо. Но я требую дополнение к кон-
тракту. Приложение.

— Приложение? — жвала Шептуна задвигались быстрее.
Такой реакции он, кажется, не ожидал тем более. Обычно
новички либо орали, либо пытались бежать, либо впадали в
кататонию. А этот... торговался.

— Да, — Антон взял уголек и развернул планшет к се-
бе. — Пункт о графике выплат. Добавить условие: «Не чаще
одного изменения в десять циклов и не более чем на пятна-
дцать процентов».

— Не пойдет.

— Десять процентов.

— Пять.

— Семь с половиной. — Антон писал поверх текста сво-
им корявым угольным почерком. — И фиксация курса Био-

массы к зубу на момент подписания. Я не хочу проснуться завтра и узнать, что мой коренной стоит как молочный.

Шептун замер. В тишине было слышно только, как лианы на стене пульсируют, гоня мутную жидкость. Потом Вербовщик издал звук — не шипение, не смех, а что-то среднее. Удивление.

— Ты первый новичок за двести циклов, который понял, что контракт уже подписан, — сказал он медленно. — И вместо того чтобы выть или бежать, ты... додавливаешь условия.

— Я бухгалтер. Мы додавливаем всегда. — Антон ткнул угольком в экран. — Это приложение. Вы его утверждаете — и я беру вашу базовую комплектацию и ухожу. Не утверждаете — мы стоим здесь и обсуждаем юридическую силу подписи, пока у вас другие новички не умерли от страха.

Шептун молчал. Его пальцы — с лишней фалангой и когтем, покрытым лаком из засохшей крови, — мелко подрагивали.

— Ты угрожаешь мне? — прошипел он, но в этом шипении не было прежней уверенности.

— Я предлагаю сделку, — ответил Антон. — Взаимовыгодную. Вы получаете должника, который знает свои обязательства и не будет пытаться сбежать при первой возможности. Я получаю прозрачные условия. Всё, как в хорошем банке.

Шептун смотрел на него еще несколько секунд. Потом его рука — неестественно длинная, с живыми суставами — вы-

дернула планшет из рук Антона. Пальцы забежали по экрану, оставляя светящиеся полосы. Экран мигнул, обновляя текст. Антон прочитал. Семь с половиной процентов, фиксация курса, дополнительный подпункт о «неприкосновенности жизненно важных органов до первого дефолта». Всё. Как он просил.

— Сойдет, — сказал он. — Где расписаться в приеме изменений?

Шептун ткнул когтем вниз экрана. Там, под основным текстом, появилась новая строка: «Приложение № 1 к Контракту № Ш-7-278. Утверждено сторонами».

— Кровь, — прошипел Вербовщик. — Снова. Как при подписании.

Антон хотел было возмутиться, но вовремя закрыл рот. Правильно. В этом мире любые документы скреплялись кровью. Единственной валютой, которая никогда не врала.

Игла выдвинулась из хитиновой рамки. Антон прижал палец — на этот раз правый безымянный, потому что левый указательный еще саднил от первого надреза — и планшет чавкнул, заглатывая каплю крови. Экран вспыхнул алым, потом зеленым, и выдал:

«ПРИЛОЖЕНИЕ № 1 УТВЕРЖДЕНО. КОНТРАКТ ДЕЙСТВУЕТ. ДОЛГ: 500 ЕД. БИОМАССЫ. ПЕРВЫЙ ВЗНОС — 3 ЦИКЛА. ВАШ ЛИЧНЫЙ МЕНЕДЖЕР: ШЕПТУН-7».

Антон выдохнул. Ладони вспотели, но голос остался ров-

НЫМ.

— А теперь, — сказал он, — давайте мой базовый комплект, нож, карту, гнилушки. И смотрите: я еще буду перечитывать этот контракт. Каждый цикл. Вдруг вы решите добавить еще одно приложение.

Шептун посмотрел на него. Жвала за маской задвигались снова — но теперь медленно, почти уважительно.

— Ты думаешь, что выиграл, — прошипел он, протягивая Антону холщовый мешок. — Но ты просто оттянул неизбежное. Первый взнос — через три цикла. Не опаздывай, Антон-Бухгалтер. Ты уже знаешь, что у меня аллергия на должников.

Антон взял мешок. Заглянул внутрь. Нож. Ржавый, но острый — он проверил, порезав палец, и тут же выругался. Светильник — стеклянная банка с комком гнилушек, испускавших слабый зеленоватый свет. Гнилушки шевелились, как опарыши, но медленнее. Карта — кусок выделанной кожи с синими пульсирующими линиями. И еще одна вещь: металлическая бирка на цепочке, с выбитым номером.

— Это что?

— Твой ID на Рынке Спящих. Без него ты — нелегал. Нелегалов перерабатывают без суда.

— А с ним?

— С ним — с судом. Суд длится минуту. Иногда полторы.

Антон надел цепочку на шею. Бирка была холодной, пахла медью и чем-то кислым, как старый аккумулятор. Он за-

правил ее под рубашку, и металл обжег кожу — не больно, но ощутимо, как грелка, которую передержали в микроволновке.

— Теперь инструктаж, — сказал Шептун. — Слушай внимательно. Повторять не буду. У меня еще три новичка сегодня по графику, и один из них, кажется, уже умер.

— От чего?

— От страха. Бывает. Сердце останавливается. — Шептун постучал когтем по своей грудной клетке, и звук получился глухой, как по пустому ведру. — У нас это называется «естественная убыль». Родственникам не сообщают. Родственников нет.

Он вытянул руку и начал загибать пальцы — все шесть, один за другим.

— Правило первое. Свет. Его мало. Его всегда мало. Гнилушки живут три цикла, потомдохнут. Новые — на Рынке, по двадцать единиц за банку. Не покупай у Свободных Фермеров — у них гнилушки с браком, светят тускло и воняют.

— А другие источники?

— Жир Светлячков. Но для этого надо убить Светлячка. Новичкам не рекомендуется. Кровь Светлячков — топливо для ламп высшего качества. Но пока ты до него доберешься, он тебе мозги выест.

— В каком смысле — выест?

— Телепатия. — Шептун постучал когтем по своей костяной маске. — Они транслируют твои самые стыдные воспо-

минания. Прямо в голову. Ты замираешь, а они подползают. И выедают. Уже в прямом смысле.

Антон поежился. Не от страха — от мысли, что кто-то увидит, как он в пятом классе обоссался на уроке физкультуры. Это было не стыдно. Это было конфиденциально.

— Правило второе, — продолжал Шептун, загибая второй палец. — Биомасса. Это валюта, еда и топливо. Зубы — мелочь. Нервы — средний номинал. Кровь — ликвид. Органы — инвестиции. Не свети своими органами на Рынке. Отожмут.

— А как же анализ крови? — перебил Антон. — Я серьезно. Может, у меня гемоглобин низкий. Или билирубин повышен. Кто мне даст полную цену за бракованную кровь?

Шептун снова замер. На этот раз пауза была долгой. Такой долгой, что Антон успел посчитать пульсирующие лианы на стене (три штуки, разного диаметра, пульсация несинхронная) и заметить, что одна из них подползла ближе.

— Ты прав, — сказал наконец Вербовщик. — Анализ можно сделать. В Медицинском Блоке на Рынке. Стоит десять единиц. Проверяют качество, выдают сертификат.

— Десять единиц — это два зуба?

— Или два пальца.

— А анализ крови из пальца стоит два пальца? — Антон хмыкнул. — Логично. Парадоксально, но логично.

— Ты тратишь мое время, — прошипел Шептун. — Правило третье. Фракции. Их три. Култ Слепого Света, Гиль-

дия Мясников, Свободные Фермеры. Культисты — психи. Они верят, что луна — это глаз мертвого бога, и если выколоть себе глаза, можно увидеть истину. Не спорь с ними. Они любят спорить. И выкалывать глаза. Оппонентам.

— А если я уже ношу очки? Это считается?

— Им плевать. Они выколют глаза вместе с очками. — Шептун загнул четвертый палец. — Гильдия Мясников. Разделяют все, что движется. И то, что не движется, тоже. Поставляют Биомассу на Рынок. Если тебе нужно мясо — иди к ним. Если тебе нужно, чтобы из тебя не сделали мясо, — не лезь в их дела.

— Разумно.

— Свободные Фермеры. Выращивают гнилушки, разводят Светлячков в неволе, торгуют информацией. Скользкие типы. Врут. Но иногда у них можно купить карту Нижних Ярусов.

— А зачем мне Нижние Ярусы?

— А куда еще ты денешься? — Шептун загнул пятый палец. — Верхний ярус — трущобы и Инкубатор. Там живут новички и те, кто не смог выплатить долг. Средний ярус — Рынок и цеха Гильдии. Нижний ярус — элита. Те, кто выплатил долг. Или те, кто родился здесь и никогда не был человеком.

— Здесь рождаются?

— Размножаются. Почкованием, делением, спорами. Не спрашивай. Увидишь — поймешь. И пожалеешь.

Шептун загнул шестой палец — на правой руке их было три, столько же на левой, и Антон только сейчас заметил, что большие пальцы у него отсутствуют. Вместо них — культы, обтянутые рубцовой тканью, с вживленными металлическими штырями.

— Правило последнее. Самое важное. Не верь никому. Мне — в том числе. Я тебе вру прямо сейчас, но ты не знаешь, в чем именно. Может, про фракции. Может, про Светлячков. Может, про анализ крови. Догадаешься — молодец. Не догадаешься — Биомасса.

— Зачем вы мне это говорите? — спросил Антон. — Если врете, зачем признаваться во лжи?

— Потому что честность — лучший способ обмана, — прошипел Шептун. — Теперь ты будешь сомневаться в каждом моем слове. И пропустишь настоящую ложь. Ту, которую я не афиширую.

Антон потерял переносицу. Голова болела уже не от абстрактного раздражения, а вполне конкретно — в висках пульсировало, и перед глазами плавали пятна. Обезвоживание, догадался он. Или реакция на местную атмосферу. Или просто похмелье от вчерашнего пива, наложившееся на портал в кишках ксерокса.

— Вода, — сказал он. — Где взять воду?

— Рынок. Три единицы за литр.

— Три зуба за литр воды?

— Очищенной. Из лужи — бесплатно. Но из лужи пьют

только те, кто хочет, чтобы у них в животе завелись Плакальщики.

— Кто?

— Плакальщики. Паразиты. Вылупляются в желудке, прогрызают стенки, выбираются наружу через рот. При этом хозяин плачет. Слезные протоки Плакальщики съедают в первую очередь. — Шептун издал свой кашляющий смех. — Шутка. Не в первую. В третью. Сначала они съедают голосовые связки. Чтобы не орал.

Антон сглотнул. В горле действительно пересохло.

— Еще вопросы? — Шептун выпрямился, и его суставы хрустнули — не как человеческие, а как ветки, которые ломают через колено: с хрустом и влажным чавканьем разрываемых волокон.

— Один. Как отсюда выбраться? Назад. В мой мир.

Шептун молчал долго. Очень долго. Свет гнилушек в банке у Антона дрогнул и пошел рябью. Лианы на стене замерли. Даже далекий вой, который теперь звучал постоянно, как фон, как гул серверов в дата-центре, на секунду стих.

— Никак, — сказал Вербовщик.

— Совсем?

— Совсем. Портал открывается в одну сторону. Ты — здесь. Навсегда. Привыкай.

Он развернулся и зашагал прочь. Его вывернутые в коленях ноги ступали по мху бесшумно, и только гофрированная шея издавала тихий свист при каждом шаге — как воздух из

проколотой шины.

— Пойдите! — крикнул Антон. — А Михал Палыч? У меня совещание через два часа!

Шептун не обернулся.

— Твой Михал Палыч — теперь пыль в Верхнем мире. Ксерокс сжигает не только тело. Он сжигает саму вероятность твоего существования. Тебя там никогда не было. Отчет Б-26 доделает кто-то другой.

И он исчез в темноте. Только свист шеи-шланга еще несколько секунд висел в воздухе, затухая, как сигнал потерянной радиостанции.

Антон остался один. Банка с гнилушками. Нож с ржавым лезвием. Карта на коже. Долг в пятьсот единиц. И информация, которая ничего не решала, только добавляла новых вопросов.

Он сел на обломок бетона, достал карту и развернул ее. Синие линии топологии пульсировали, меняя очертания. Улицы двигались. Здания дышали. В центре карты, там, где должно было быть «Вы здесь», пульсировала алая точка.

— Ладно, — сказал Антон вслух. — Допустим, я здесь. Допустим, это не сон и не галлюцинация. Допустим, я действительно в альтернативном измерении, где валюта — зубы, а солнце — дохлая луна.

Он потер виски. Голова гудела.

— Тогда первоочередные задачи. Первое: вода. Второе: еда. Третье: ночлег. Четвертое: источник дохода для выпла-

ты долга. Пятое: выяснить, есть ли здесь сигареты.

Он встал, повесил банку с гнилушками на пояс (ремень выдержал, и на том спасибо), сунул нож за пазуху и зашагал в ту сторону, куда, по версии карты, вела дорога на Рынок Спящих.

Дорога оказалась не дорогой, а тоннелем. Вход в него зиял в основании бетонной коробки, как разорванная рана, и оттуда тянуло сквозняком — влажным, теплым, пахнущим дрожжами и мочой. Антон остановился на пороге, вглядываясь в темноту. Гнилушки в банке давали свет на пару шагов вперед, не больше. Дальше была чернота — густая, почти материальная, как кисель.

— Там кто-нибудь есть? — спросил он в тоннель.

Тоннель не ответил. Только где-то в глубине что-то капнуло — тяжелая, вязкая капля, шлепнувшаяся на бетон с отчетливым звуком.

Антон вздохнул. Шагнул внутрь.

Капля попала ему на плечо. Он задрал голову.

С потолка тоннеля свисали коконы. Десятки коконов — серые, ребристые, похожие на огромные куколки бабочек, только размером с человеческий торс. Они слабо мерцали изнутри алым, и в одном из них, прямо над Антоном, зияла дыра. Из дыры сочилась густая жидкость, пахнувшая аммиаком и сладким, как сироп от кашля.

Антон отступил в сторону. Вытер плечо рукавом. Ткань зашипела, пошла пузырями.

— Кислота, — констатировал он. — Ну конечно. Куда ж без кислоты.

И зашагал дальше, стараясь держаться середины тоннеля, где потолок был выше, а коконы попадались реже. Банка с гнилушками раскачивалась на поясе, отбрасывая пляшущие тени на стены. Тени шевелились. Антон не сразу понял — стены действительно шевелились. Бетон был покрыт слоем чего-то органического, похожего на мох, только этот мох сокращался и разжимался, как диафрагма, и от него исходило низкочастотное гудение — на грани слышимости, как от трансформаторной будки.

— Тоннель живой, — пробормотал Антон. — Прекрасно. Просто прекрасно.

Он шел минут двадцать — если верить «Касио», которые каким-то чудом еще работали и даже не сбились с ритма. Тоннель поворачивал, раздваивался, сливался снова. Антон сверялся с картой на каждом повороте, подсвечивая ее гнилушками. Карта врала: линия тоннеля на ней постоянно смещалась, как будто тоннель двигался. Но направление Антон держал примерно верное.

А потом тоннель кончился.

Он вышел на открытое пространство — и замер, забыв закрыть рот.

Рынок Спящих простирался перед ним. Огромная площадь, залитая призрачным светом сотен гнилушечных фонарей. Фонари висели на шестах, воткнутых в землю, и зем-

ля эта была не бетоном и не мхом, а чем-то вроде утрамбованной костяной крошки — белесой, хрустящей под ногами, с вкраплениями зубов. Палатки, лотки, прилавки — все из подручных материалов: ребра вместо каркасов, выделанная кожа вместо тентов, хитиновые пластины вместо прилавков. Толпа — десятки, может, сотни существ, большинство гуманоидных, но с такими вариациями, что Антон вспомнил энциклопедию врожденных уродств, которую случайно открыл в школьной библиотеке и потом неделю не мог спать.

Здесь были люди с лишними конечностями. С отсутствующими. С глазами на стебельках и ртами на животе. Были существа, которых людьми уже не назвать — многорукие, многоногие, покрытые хитином или чешуей, с жвалами и клешнями. Были и такие, кто выглядел почти нормально, но от этого становилось только страшнее — потому что «нормально» в этом месте означало «опытный хищник».

Запахи смешивались в такой коктейль, что Антон задыхался через рот — и тут же пожалел, потому что на языке осел вкус горелого жира, специй, гниющей плоти и чего-то цветочного, приторного, как духи проститутки.

Звуки: крики торговцев, скрежет точильных кругов, влажные шлепки разделываемых туш, смех (человеческий и не очень), плач (где-то в стороне), низкочастотный гул, который здесь был громче, — он шел от земли, от стен, от неба-легкого.

— Рынок Спящих, — прошептал Антон. — Почему

«Спящих»?

— Потому что все спят, — раздалось над ухом.

Он дернулся, схватился за нож. Рядом стояло существо — гуманоидное, женского рода, если судить по двум парам молочных желез, обтянутых кожаным корсетом. Лицо — человеческое, но с вертикальными зрачками и без губ. Зубы — все как один острые, подпиленные. На плече у нее висела сумка из мошонки какого-то крупного животного, а в руках она держала поднос с рядами склянок.

— Спят, — повторила она. — Все мы. Спим и видим сны. Только сны — вот это вот. — Она обвела рукой площадь. — А настоящее пробуждение — оно там. — Она ткнула пальцем вверх, в кровавую луну. — Только до него никто не доживает.

— Поэтично, — сказал Антон. — Вы торгуете?

— А ты догадливый. — Она ухмыльнулась, обнажая десны. — Сыворотка правды. Слезы Плакальщика. Жир Светлячка. Что интересуется?

— Вода. И информация.

— Вода — три единицы. Информация — от десяти, смотря какая.

— Информация о том, где взять работу.

Торговка засмеялась. Смех у нее был булькающий, как у Шептуна, но выше тоном, истеричнее.

— Работу? — Она подалась вперед, и Антон уловил запах из ее рта — гнилостный, с примесью аммиака. — Рабо-

ту, милоч, здесь найти легче, чем воду. Только платят за нее не деньгами. А Биомассой. И увольняют — тоже Биомассой. Вон, видишь шатер с вывеской в виде ребра?

Антон посмотрел в указанную сторону. Шатер выделялся среди прочих — выше, шире, с куполом из сшитых человеческих кож. Над входом висела конструкция из реберных костей, образующая подобие буквы «М».

— «М»? — переспросил Антон. — Как «Макдоналдс»?

— Как Мяслики, — поправила торговка. — Гильдия Мясликов. Они всегда ищут руки. Буквально. Ты отработаешь смену — получишь паек. Не справишься — пополнишь прилавок.

— В каком смысле — пополнишь?

— В прямом. — Торговка подмигнула вертикальным зрачком. — Их конвейер не простаивает. Никогда.

И она зашагала прочь, покачивая бедрами и выкрикивая речитативом: «Слезы! Слезы Плакальщика! Свежие, первой выгонки! Добавь в суп — узнаешь, кто тебя предаст!»

Антон проводил ее взглядом, поправил бирку на шее (она нагрелась, теперь ощутимо жгла кожу) и зашагал к шатру с вывеской из ребер.

Работа. Ему нужна была работа. Он платил ипотеку двенадцать лет, он знал: работа — это то, что спасает от голода, холода и коллекторов. Даже если работа — разделка разумных существ. Даже если коллекторы — не люди с бейджиками, а твари с жвалами. Принцип тот же. Только проценты

выше.

У входа в шатер стоял охранник. Два с половиной метра роста, четыре руки, две из которых держали тесаки, а еще две — просто болтались, заканчиваясь культиями без кистей. Голова — человеческая, но без глаз. Вместо глаз — костяные пластины, приросшие к черепу. Он повернулся на звук шагов, и Антон понял, что охранник его чувствует — ноздри на изуродованном лице раздувались, втягивая воздух.

— Новичок, — пробасил охранник. Голос у него был низкий, как из бочки. — Пахнешь страхом и тонером. Что надо?

— Работа, — сказал Антон. — Я слышал, у вас открыта вакансия.

Охранник хмыкнул. Звук получился такой, будто в бочку упал камень.

— Вакансия, — повторил он. — Смешное слово. Ты кто по профессии?

— Бухгалтер.

Охранник замер. Костяные пластины на его лице дрогнули. Из ноздрей вырвался пар.

— Бухгалтер? — переспросил он. — Настоящий? С цифрами?

— С цифрами. С балансом. С двойной записью. С налоговой оптимизацией. С амортизацией основных средств. С отчетностью.

Охранник отступил на шаг. Потом еще на шаг. Потом развернулся и исчез в шатре, бросив через плечо:

— Жди здесь.

Антон ждал. Мимо шатра текла толпа: мутанты, торговцы, культисты в балахонах с капюшонами (из-под одного капюшона выглядывали пустые глазницы, из которых росла плесень). Кто-то толкнул его плечом, пробормотав ругательство на незнакомом языке — вязком, как смола. Кто-то попытался срезать его мешок с пояса, но Антон перехватил руку — тонкую, с шестью пальцами — и дернул в сторону.

— Еще раз, — сказал он, не поворачиваясь, — и я применю статью 158 УК РФ. Кража. До двух лет лишения свободы.

Воришка (мелкое существо, покрытое чешуей) замер, не понимая слов, но уловив интонацию. Интонация была холодной и обещала бюрократические неприятности. Воришка исчез в толпе.

Из шатра вышел охранник. За ним — еще одно существо. Гуманоидное, но облагороженное: костяная маска, как у Шептуна, но полированная, с гравировкой в виде спиралей; балахон, но из качественной кожи, с серебряными застежками; на поясе — не крючья, а планшеты в хитиновом корпусе.

— Ты бухгалтер? — спросило существо. Голос — свистящий, но с модуляциями, почти человеческими.

— Антон. Тридцать лет. Стаж работы — восемь лет. Последнее место — ООО «ПромТехСнаб».

— Что такое «ООО»?

— Общество с ограниченной ответственностью.

Существо переглянулось с охранником. Охранник пожал плечами — всеми четырьмя.

— Ограниченная ответственность, — повторило существо. — Звучит как ересь. Но забавная. — Оно склонило голову набок. — Я — Прораб-3. Начальник цеха. Ты умеешь считать Биомассу?

— Я умею считать все, что имеет числовое выражение.

— Баланс свести можешь?

— Могу. Дебет слева, кредит справа. Актив равен пассиву. Если не сходится — ищи ошибку в первичке.

Прораб-3 издал звук, похожий на скрежет металла. Антон уже понял — это смех.

— Ты нам нужен, — сказал он. — У нас конвейер. Четыре линии. Двадцать три рабочих. Десять надсмотрщиков. Выход продукции — восемьсот единиц в цикл. Потери — тридцать единиц. Я не знаю, куда деваются тридцать единиц. Никто не знает. Если ты найдешь — получишь премию.

— В Биомассе?

— В Биомассе. И в повышении.

Антон задумался. Тридцать единиц из восьмисот — это четыре процента. Допустимая погрешность для пищевого производства. Но не для бухгалтера.

— Я посмотрю, — сказал он. — Мне нужен доступ к первичке. Накладные, акты приема-передачи, журналы учета. И кофе. У вас есть кофе?

— У нас есть кровь Светлячка. Бодрит.

— Сойдет. Ведите.

Прораб-3 развернулся и зашагал в шатер. Антон пошел следом, обходя охранника, который все еще принохивался к нему всеми ноздрями.

Шатер внутри оказался втрое больше, чем снаружи. Пространство расширялось, уходило вниз, в землю, и Антон понял, что основная часть цеха — под Рынком. Они спускались по винтовой лестнице, вырубленной в кости (кость была желтоватой, пористой, и в ней что-то пульсировало). Воздух становился горячее, плотнее, запах гниющей плоти — гуще. К нему примешивался новый запах: горячего металла и формалина.

Конвейер он слышал раньше, чем увидел. Низкочастотный гул, как от трансформатора, и ритмичный скрежет — как будто сотня ножей одновременно точилась о камень.

А потом лестница кончилась, и Антон вышел в цех.

Потолок терялся в темноте. Стены были покрыты органической плиткой — чешуйчатой, влажной, с прожилками сосудов. Четыре линии конвейера тянулись через зал, и каждая состояла из сегментов хитина, сшитых сухожилиями. Сегменты двигались — не по кругу, а волнами перистальтики, как кишечник.

На конвейере лежали тела.

Человеческие, мутантские, неопознаваемые. Рабочие стояли вдоль линий — в кожаных фартуках, в масках из мочевых пузырей, с тесаками и крючьями в руках. Они вскры-

вали, разделявали, сортировали. Кровь стекала в желоба на полу, и желоба уносили ее куда-то в темноту, к огромным чанам, которые булькали и парили.

Надсмотрщики прохаживались между линиями. У них были длинные, гибкие плети, свитые из кишок, и глаза, вживленные в затылки, — чтобы видеть все и сразу.

Запах здесь был такой, что Антон, несмотря на весь свой цинизм, закашлялся. Глаза заслезились. Он вытер их рукавом и тут же пожалел — ткань пропиталась какой-то взвесью из воздуха, и теперь веки жгло.

— Твой стол, — сказал Прораб-3, указывая на закуток в углу.

В закутке стоял стол. Не из кости — из ржавого металла, почти как в его старом офисе. На столе лежали кипы бумаг. Ну, почти бумаг — листы из прессованной плоти, исписанные светящимися чернилами. И счета. Настоящие костяные счета, с бусинами из позвонков.

Антон сел за стол. Положил руки на столешницу. Вдохнул. Выдохнул.

— Я на работе, — сказал он вслух. — Это просто новая работа. С новыми вводными. С новым коллективом. С новыми задачами.

Он взял первый лист из стопки. Пробежался глазами. Цифры. Даты. Подписи. Баланс не сходился уже на второй строке.

— Ну конечно, — пробормотал он. — У них тут даже пер-

вичка не сходится. А я-то надеялся на цивилизацию.

Он достал уголек (Шептун забыл его забрать, или не забыл, а оставил специально — теперь Антон сомневался во всем) и принялся за работу. Пересчитывал. Сверял. Выводил поправки. Вокруг ревел конвейер, хрустели кости, чавкала плоть. Антон не замечал. Он был в потоке. В том самом бухгалтерском потоке, когда мир сужается до строк и цифр, и ничто другое не существует.

Через час он встал, размял шею и подошел к Прорабу-3.

— Я нашел, — сказал он.

— Что?

— Ваши тридцать единиц. Вот здесь. — Он ткнул в лист. — Двойная запись. Одна и та же партия проведена дважды: как «субпродукты категории Б» и как «биоотходы». Разница в учете — тридцать единиц. Это не воровство. Это ошибка в классификации.

Прораб-3 уставился на лист. Его костяная маска не выражала эмоций, но пальцы, державшие лист, подрагивали.

— Ошибка, — повторил он. — Не воровство?

— Нет. Просто кто-то перепутал классификатор.

Прораб-3 повернулся к надсмотрщику, который стоял рядом и нервно поглаживал плоть из кишок.

— Слышал? — сказал он. — Не воровство. Ошибка.

— Ошибка, — эхом отозвался надсмотрщик. — Да. Ошибка. Я же говорил. Я не ворую.

— Ты уволен, — сказал Прораб-3. — За ошибку.

Надсмотрщик открыл рот, чтобы возразить, но не успел. Плеть в его руках дернулась сама собой, обвилась вокруг шеи хозяина и сжалась. Хрустнули позвоночные диски. Надсмотрщик рухнул на пол, все еще сжимая оружие собственной казни.

Антон смотрел на это молча. Внутри что-то сжалось и тут же разжалось — рефлекторно, как зрачок при смене освещения. Он уже понял: здесь так увольняют.

— Ты принят, — сказал Прораб-3. — Испытательный срок — три цикла. Оплата — двадцать единиц в цикл. Премия за найденную недостачу — десять единиц. Сейчас. — Он вытащил из поясной сумки колбу с зубами и отсчитал десять штук. — Держи.

Антон взял колбу. Зубы брякнули о стекло. Один был с пломбой.

— Это не мой, — сказал он.

— Это ничей, — ответил Прораб-3. — Здесь все — ничье. Привыкай.

И он ушел, оставив Антона стоять над телом надсмотрщика с колбой зубов в одной руке и угольком в другой.

Антон посмотрел на колбу. На тело. На конвейер, который продолжал ползти, перемалывая чью-то плоть.

— Ипотека, — сказал он тихо. — Вот ради чего я это делаю. Ипотека и сигареты.

И пошел обратно к столу. Работать. Потому что теперь у него была работа. И долг. И три цикла на первый взнос.

Тело надсмотрщика уже убирали двое молчаливых рабочих. Они подхватили его за руки и за ноги и потащили к конвейеру. Потому что отходов здесь не было. Совсем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.